DOI: 10.17223/2312461X/34/1

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Уважаемые читатели!

Завершается девятый год жизни нашего журнала. Начав с проб и ошибок в 2013 г., с поиска своего особенного и узнаваемого профиля, в последние четыре года «Сибирские исторические исследования» стали, условно, антропологическим журналом, в котором *антропология* понимается максимально расширительно, как минимум в соответствии с боасовской тетрадой (социокультурная антропология, биологическая, или физическая, антропология, лингвистическая антропология и археология).

В Российском рейтинге *Science Index* по тематике «История. Исторические науки», начав с 42-го места по итогам 2015 г., в 2018–2020 гг. журнал закрепился в первой пятерке, а в 2019 г. даже занимал первую строчку рейтинга. Сходная динамика по данным того же рейтинга в категории «Комплексное изучение отдельных стран и регионов»: в 2018–2020 гг. журнал занимает здесь первое-второе места.

Удалось закрепить позиции журнала и в базе *Scopus*, в рейтингах которой (как внутренних, так и сторонних, в частности Scimago) наш журнал устойчиво, начиная с 2016 года, индексируется на уровне Q2, а по итогам оценок 2020 года оказался даже в числе топ-журналов уровня Q1.

С 2020 г. журнал стал индексироваться в Web of Science. Согласно Journal Citation Indicator (JCI), в категории «история» журнал «Сибирские исторические исследования» входит в Q2.

Вряд ли все эти оценки были бы возможны без профессиональной работы всех сотрудников редколлегии журнала и рецензентов, всех тех, кто максимально строго относится к научной оценке поступающих в портфель текстов, всех, кто ищет сильных авторов для журнала, а также, разумеется, без самих авторов, которые уже, кажется, привыкли к особенностям нашего журнала, в котором решения о публикации текста надо ждать порой год–полтора, если не дольше.

Издание нашего журнала на базе ТГУ, как мне видится, является важной, но по большому счету лишь одной из составляющих успеха развития современной антропологической мысли в Томске, который, надо признать, всегда славился добротной этнографией. На базе мегапроекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», которым мне посчастливилось руководить в 2013–2017 годах, родились не только журнал «Сибирские исторические

исследования» в его новой специализации, но и Лаборатория социально-антропологических исследований (<http://lsar.tsu.ru/ru/>), а затем, в конце 2017 г., и кафедра антропологии и этнологии (<http://history.tsu.ru/node/5912>). Из недр этого проекта вышел и интеллектуально насыщенный Томский антропологический форум 2016 (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2016/>) и 2018 годов (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2018/>). Как знак признания локальных успехов в развитии нашей дисциплины можно рассматривать и право на проведение очередного Конгресса антропологов и этнологов России в 2021 г.: это был самый масштабный конгресс за всю историю КАЭР, в его работе приняли участие более двух тысяч российских и зарубежных ученых (<https://aaer.co/xiv-%D0%BA%D0%B0%D1%8D%D1%80/>).

Все сказанное не означает, что совсем нет проблем. Их много, но они являются совсем не локальными, а характерными в целом для социокультурной антропологии (этнологии) в России. По-прежнему сложно осуществлять набор на образовательные программы в ситуации, когда в стране нет профессии антрополога. Довольно просто присуждать любые ученые степени описательным диссертациям с близким к нулю научным уровнем, но чрезвычайно сложно выстраивать диалог с теми, кто призван оценивать качество ярких диссертационных работ и кто – будучи наделен правом принимать финальное решение – не слышит и, хуже того, не понимает и не стремится понять язык современной аналитически насыщенной социокультурной антропологии.

Чрезвычайно актуальной проблемой остается оценка качества нашей научной продукции. Тут, кстати, скорее не о «зачетных» жанрах публикаций надо думать, задавая пустые вопросы типа «что важнее – книга или статья?», а о том, как обеспечить высокое качество рецензирования рукописей «на входе» (внутреннее двойное слепое рецензирование) и «на выходе» (рецензирование текстов уже после их издания). Год от года, как ни странно, все сложнее становится решение проблемы смены поколений и, соответственно, сохранения молодых талантов в науке при почему-то безусловном сохранении почетных и до неприличия хорошо оплачиваемых sinecur в институтах и вузах, что в целом сказывается на замедлении темпов развития науки. Список болевых точек можно продолжать.

Очень надеюсь, что мы с помощью наших авторов сможем выйти на качественное, глубокое обсуждение как теоретических, так и институциональных проблем современной мировой и российской антропологии. Возможно, для этого придется не ограничиваться привычной периодичностью, а перейти на 6 номеров в год. Планы такие есть.

Следующий год ожидается не менее тематически и теоретически насыщенным, чем год уходящий. В планах обсуждение человеческого потенциала, современного старообрядчества, памяти и забвения, культурного наследия, взаимодействия людей с нечеловеческими сущно-

стями, экспертных возможностей антропологов и ряда иных тем, которые будут по большей части рассматриваться на сибирских материалах, но не только. И, разумеется, мы будем по-прежнему регулярно публиковать обзоры и рецензии на значимые антропологические книги.

От лица редколлегии журнала и от себя лично благодарю всех коллег, авторов и рецензентов, а также сотрудников Издательства Томского государственного университета, участвовавших в создании журнала все предшествующие годы. Уверен, что журнал *Сибирские исторические исследования* будет успешно развиваться и в дальнейшем.

Д.А. Функ

EDITOR'S NOTE

Dear Readers!

The ninth year of the life of our journal is coming to an end. Having started with trial and error in 2013, with the search for its special and recognizable profile, in the last four years *Siberian Historical Research* has certainly become an anthropological journal in which anthropology is understood as broadly as possible, at least according to the Boas's four-field approach, which brings together sociocultural anthropology, biological, or physical, anthropology, linguistic anthropology and archaeology.

In the Russian *Science Index* ranking (RSI) for "History. Historical Sciences" category, having started from 42nd place in 2015, the journal was consolidated in the top five in 2018-2020. In 2019 it even occupied the first line of the ranking. Similar dynamics were observed for the RSI's category "Comprehensive Study of Selected Countries and Regions": in 2018-2020, the journal ranked first and second here.

We also managed to consolidate the journal's position in the *Scopus* database, where in both, internal and external, in particular, Scimago, ratings, our journal has been steadily indexed at the Q2 level since 2016, and according to the results of 2020 assessments it even ranked among the top journals at the Q1 level.

Since 2020, the journal has been indexed in Web of Science. According to the Journal Citation Indicator (JCI), in the category "History" the journal *Siberian Historical Research* is in Q2.

It is unlikely that achieving all these high marks would have been possible without the professional work of all the members of the editorial board and reviewers, all those who are most rigorous in their scientific evaluation of the submitted texts, all those who look for strong authors for the journal, and, of course, without the authors themselves, who know they will have to wait for over a year, if not longer, for their papers to be properly evaluated and published.

In my view, the publication of our journal on the basis of TSU is an important but not the only aspect of the successful development of modern anthropological thought in Tomsk, which has always been known for good ethnography. The mega-project "Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity," which I was lucky enough to lead in 2013-2017, served as a basis for many important initiatives: the journal *Siberian Historical Research* in its new specialization, the Laboratory of Social Anthropological Research (<http://lsar.tsu.ru/ru/>), and then,

in late 2017, the Department of Anthropology and Ethnology (<http://history.tsu.ru/node/5912>). The intellectually rich Tomsk Anthropology Forum of 2016 (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2016/>) and 2018 (<http://lsar.tsu.ru/taf/ru/2018/>) also saw its beginnings in this mega-project. The right to hold the Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in 2021 can also be considered as a sign of recognition of local successes in the development of our discipline: it was the largest congress in the history of CAER, with more than two thousand Russian and foreign scientists participating in its work (<https://aaer.co/xiv-%D0%BA%D0%B0%D1%8D%D1%80/>).

However, all that does not mean that we have no problems. We have many problems, yet they do not seem to be local at all, but rather are typical for sociocultural anthropology (ethnology) in Russia as a whole. It is still difficult to enrol in educational programs in the country where anthropology does not exist as a profession. It is easy enough to award any academic degrees to descriptive dissertations with close to zero scientific level, but it is extremely difficult to build a dialogue with those who are called upon to evaluate the quality of excellent dissertations and who, being empowered to make the final decision, do not hear and, worse, do not understand or seek to understand the language of contemporary analytically rich sociocultural anthropology. Evaluating the quality of our scientific production remains an extremely urgent problem. Here, by the way, we should rather think not about "creditable" publication genres, asking empty questions such as "which is more important - the book or the article?", but about how to ensure high quality reviewing of manuscripts "at the entrance" (internal double-blind reviewing) and "at the exit" (reviewing texts after they are already published). It seems strange, but year by year it is becoming more and more difficult to solve the problem of generational change and, accordingly, of preserving young talents in science while for some reason unconditionally preserving honorable and obscenely well-paid sinecures in institutes and universities, which in general contributes to the slowdown of scientific development. The list of painful issues could go on and on.

I very much hope that, with the help of our authors, we will be able to reach a high-quality in-depth discussion of both the theoretical and institutional problems of contemporary World and Russian anthropology. This may require us to go beyond the usual four issues a year as early as next year. We have such plans.

Next year is expected to be no less thematically and theoretically rich than the previous year. We plan to discuss human potential, contemporary old believers, memory and oblivion, cultural heritage, human interaction with non-human entities, anthropological expertise, and a number of other topics that will be addressed using mostly Siberian materials, but not only. And, of course, we will continue to publish regular reviews and critiques of significant anthropological books.

On behalf of the editorial board and myself, I would like to thank all the colleagues, authors, reviewers, and the staff of Tomsk state university publishing house who have participated in the creation of the journal in preceding years. I am sure that the journal *Siberian Historical Research* will continue to successfully develop in the future.

Dmitriy Funk